

ИЗ ИСТОРИИ ВВЕДЕНИЯ БРАДОБРИТИЯ И «НЕМЕЦКОГО» КОСТЮМА В ПЕТРОВСКОЙ РОССИИ*

For Peter the Great, beards and the traditional “Russian” clothing marked the hated old times (N. Ustryalov, S. Solovyov, L. Hughes, etc.). However, this statement has never been proved by references to any sources which could reveal the tsar’s own opinion or that of his associates on the problem in question. The author undertakes the first attempt to establish the position of Peter the Great and his associates on the need for “Europeanization” of the appearance of Russian subjects. The article analyzes the story of the introduction of beard shaving and the adoption of “European” clothing in different versions of The History of the Swedish War. The collected data enable the author to suppose that the ideological justification of the introduction of beard shaving and “European” clothing in Peter the Great’s Russia was based upon the opposition between the traditional Russian appearance associated with the appearance of “pagan peoples” and the appearance of European subjects viewed as a Christian one. This ideologeme is supposed to have been formed within the cultural and political elite at the end of the 17th century, probably, under the influence of the treaty *Politika* by Juraj Krizanić.

Keywords: Peter the Great’s reforms; beard shaving; struggle against beard-wearing and Russian clothing; cultural practices; cultural strategies; everyday life practices; power and society.

В научной литературе и в массовом сознании европеизация внешнего облика российских подданных представляется своеобразным символом петровского культурного переворота да и всех петровских преобразований в целом [Седов, с. 502]. Такое представление, судя по всему, сформировалось под влиянием исторических трудов С. М. Соловьева. Как тонко подметил современный исследователь С. М. Шамин, борода и русское платье были использованы С. М. Соловьевым в качестве яркого символа крутых перемен [Шамин, с. 38].

Действительно, С. М. Соловьеву удалось ярко проиллюстрировать пропасть между Русью XVII в. и Россией XVIII столетия замечаниями об изменении внешнего облика российских подданных. Но в последующей литературе созданный С. М. Соловьевым яркий образ постепенно превратился в сухую упрощенную схему: до Петра все

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

ходили в бородах и в традиционном длинном русском костюме, но пришел Петр, и как по мановению волшебной палочки все подданные вдруг превратились в безбородых европейцев, которые носят парики и короткое платье. В научной литературе даже всерьез обсуждается тезис о том, что причина столь легкого отказа от традиционного облика кроется в рабской психологии российской элиты и российского общества в целом [Там же, с. 23].

Парадокс между тем заключается в том, что при обилии мнений и замечаний относительно петровских мер европеизации облика россиян сама проблема преобразования костюма и брадобрития редко становилась предметом специального изучения¹ и может быть отнесена к наименее исследованным сюжетам истории России первой половины XVIII в. [Hughes, p. 21; Седов, с. 502]. Не выявлен и не исследован весь корпус законодательства о запрещении ношения бород и традиционного русского платья². Не исследован вопрос о степени воплощения этих указов в жизнь. Не изучена роль различных социальных групп в идеологическом осмыслении петровских указов о брадобритии и в процессе их адаптации на повседневном уровне. Как Петр и его окружение обосновывали необходимость европеизации внешнего вида своих подданных? Какова была реакция на указы о брадобритии и европейском платье в высших слоях общества? Как осваивали культурные новации иные социальные группы российских подданных? Пока эти вопросы остаются почти неисследованными.

Мы сконцентрируемся лишь на одном из поставленных выше вопросов, а именно на идеологическом обосновании необходимости преобразования внешнего облика подданных. В научной литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что борода и русское платье для царя представлялись своеобразным символом московской старины, а потому столь энергичное участие Петра I в европеизации облика своих подданных вполне понятно и оправданно: эта точка зрения прослеживается в трудах Н. Г. Устрялова, С. М. Соловьева, Л. Хьюз [Устрялов, с. 191–192; Соловьев, с. 549–550; Hughes, p. 23–24]

¹ Исключение составляют очерк Г. В. Есипова «Русская борода и немецкое платье» [Есипов, с. 159–186] и статья Л. Хьюз [Hughes, p. 21–34].

² Мнение о том, что первый указ о брадобритии был опубликован в 1705 г., широко распространено в научной литературе [см.: Hughes, p. 24; Акельев, Трефилов, с. 156]. Для такого мнения существуют серьезные основания: первый известный на настоящий день указ о брадобритии, опубликованный в Полном собрании законов Российской империи, датирован 16 января 1705 г. [ПСЗ, т. 4, № 2015, с. 282–283]. Именно с этого времени наблюдается отрицательная реакция населения различных городов на введение брадобрития [см.: Покровский, с. 49–50; Шашков, с. 301–322; Акельев, Трефилов, с. 156–158]. Однако еще Г. В. Есипов на основании изучения дел Преображенского приказа предположил, что «о брадобритии существовало всеобщее распоряжение и прежде указа 1705 года», а следовательно, «первоначальный указ о бородовой пошлине не найден» [Есипов, с. 163, 174]. Такой же точки зрения придерживаются Е. В. Анисимов и А. Т. Шашков, полагая, что первый указ о брадобритии появился на свет еще в 1700 г., а 16 января 1705 г. был издан лишь повторный указ [Анисимов, с. 353–354; Шашков, с. 301]. Это предположение подтверждают некоторые источники, в частности «История Свейской войны».

и других исследователей. Однако их рассуждения не подкреплялись ссылками на конкретные источники, в которых обнаруживался бы взгляд самого царя или его сподвижников на эту проблему.

Среди писем Петра I, опубликованных в «Письмах и бумагах Петра Великого», мы не нашли ни одного, в котором как-то затрагивалась бы тема брадобрития. Ни в одном из известных на настоящий день петровских указов о запрещении брадобритии³ не обнаруживается мотивация этого запрещения. Например, первый указ о брадобритии, датированный 16 января 1705 г., гласил:

На Москве и во всех городах царедворцам, и дворовым, и городовым, и приказным всяких чинов служивым людям, и гостям, и гостиной сотни, и черных слобод посадским людям всем сказать, чтоб впредь с сего его великого государя указа бороды и усы брили. А буде кто бород и усов брить не похотят, а похотят ходить с бородами и с усами, и с тех имать с царедворцов, и с дворовых, и с городских, и всяких чинов служилых и приказных людей по 60 рублей с человека, с гостей и с гостинной сотни первыя статьи по 100 рублей с человека, средней и меньшей статьи, которые платят десятыя деньги меньше 100 рублей, с торговых, и посадских людей по 60 рублей, третья статья, с посадских же, и с боярских людей, и с ямщиков, и с извозчиков, и с церковных причетников, кроме попов и дьяконов, и всяких чинов с московских жителей по 30 рублей с человека на год. И давать им из Приказа земских дел знаки, а для тех знаков и для записки приходить им в Приказ земских дел без мотчания, а в городах в приказныя избы, а те знаки носить им на себе. И в Приказе земских дел, и в городах, в приказных избах учинить тому записныя и приходныя книги. А с крестьян имать везде по воротам пошлину по 2 деньги с бороды по вся дни, как ни пойдут в город и за город, а без пошлин крестьян в воротах, в город и за город, отнюдь не пропускать. И о том для ведома по воротам с сего великаго государя указу прибить письма, а в города воеводам послать его великаго государя грамоты, а к бурмистрам памяти, а в розряд о посылке послушных грамот, а в ратушу к бурмистрам о посылке послушных указов послать памяти с подкреплением: буде они, воеводы и бурмистры, станут в том чинить кому поноровку, и им, воеводам, за то быть в опале, а бурмистрам в наказаниях и в разорении без всякой пощады. А буде кто из царедворцов, и из градских, и из приказных, и из посадских людей похочет ходить с бороною, и ему б для взятыя знака ехать к Москве и явиться в Приказе земских дел. А в Сибирские и в Поморские города знаки послать с Москвы [ПСЗ, т. 4, № 2015, с. 282–283].

Несмотря на всю содержательность этого указа, в нем, как мы видим, не обнаруживается никаких указаний на мотивы введения брадобрития.

³ Известно всего восемь петровских указов о брадобритии: один за 1705 г. [ПСЗ, 4, № 2015, с. 282–283], один за 1714 г. [Там же, т. 5, № 2874 с. 137] и шесть за 1722–1724 гг. [Там же, т. 6, № 3944, с. 641–642; № 4034, 720; № 4121, 791; т. 7, № 4245, 77; № 4256, 86–87; № 4596, 368].

Для того чтобы выявить образ мыслей Петра I и его приближенных относительно браздобрития, обратимся к «Истории Свейской войны» – крупнейшему историческому произведению петровского времени, которое по замыслу царя должно было стать важнейшим инструментом идеологической борьбы против «неприятельских соседственных историков» [История Свейской войны, вып. 1, с. 17]. Как было установлено Т. С. Майковой, Петр I начал работу над памятником в 1715 г. и продолжал вплоть до последних дней жизни, так и не успев ее закончить. «История» дошла до нас в нескольких редакциях, причем, кроме основных рукописей памятника (это хранящиеся в фонде «Кабинет Петра I» 8 рукописных книг), сохранилось еще много черновых текстов и подготовительных материалов. Сличение всех списков «Истории» позволило Т. С. Майковой выявить пять основных редакций памятника [Там же, с. 15–76].

В первой редакции «Истории», составленной в 1717–1721 гг., а также во второй редакции, составленной в 1722 г., сообщение о введении браздобрития отсутствует, как отсутствуют сообщения об учреждении ордена Андрея Первозванного, о реформе календаря, о заведении школ и многие другие известия о внутренних реформах Петра I [Там же, с. 81–82; РГАДА, ф. 9, оп. 2, отд. 2, кн. 2, л. 1–4; кн. 3, л. 1–3]. В последней же (пятой) редакции «Истории», составленной, по-видимому, в 1726 г., между рассказами об учреждении ордена Святого апостола Андрея Первозванного и введении нового календаря фигурирует следующее сообщение:

Тогда ж заблагоразсудил старинное платье российское (которое было наподобие польского платья) отменить, а повелел всем своим подданным носить по обычаю европейских христианских государств, также и бороды повелел брить [История Свейской войны, вып. 1, с. 201; РГАДА, ф. 9, оп. 2, отд. 2, кн. 8, л. 8 об.].

Исследование всех редакций «Истории», а также подготовительных и черновых материалов показывает, что по ходу редактирования памятника в 1722–1725 гг. это сообщение о введении в России браздобрития, прежде чем облечься в окончательную форму, претерпело серьезную трансформацию. Важно отметить, что все изменения в тексте «Истории» проходили «апробацию его царского величества». Начиная с октября 1721 г. Петр I каждое субботнее утро посвящал работе на «Историей» [История Свейской войны, вып. 1, с. 24–25]. Поэтому исследование всех этапов редакторской работы над сообщением о введении браздобрития в России может пролить свет на представления самого Петра I и его окружения о необходимости преобразования внешнего облика подданных, а также на идеологическое сопровождение этого мероприятия.

В «Кабинете Петра I» хранится комплекс документов (98 дел, 3520 л.), состоящий из различных черновых текстов, относящихся к «Гистории» [Там же, с. 70–71]. Среди них имеется один документ, который представляет собой правленный текст первоначального варианта сообщения о брадобритии, составленного между 1722 и 1723 гг. Согласно идентификации Т. С. Майковой, сам документ был написан рукой тайного советника канцелярии в Коллегии иностранных дел В. В. Степанова, а правка была осуществлена И. А. Черкасовым [Там же, вып. 2, с. 15], который, как известно, являлся правой рукой кабинет-секретаря А. В. Макарова по всем делам кабинета, в том числе и по составлению «Гистории».

Обратимся к тексту сообщения, написанному рукой В. В. Степанова:

В том же 1699-м году его ц[арское] в[еличество] изволил заблагоразсудить старинное платье российское (которое было наподобие татарских и протчих бусурманских народов) отменить, а повелел всем своим подданным, мужеска и женскому, в резидующих государственных в знатных городех носить по обычаю европейских христианских государств, такожде расщение власов на бороде отставлено, и повелено брады брить, что с того времени и учинено [РГАДА, ф. 9, оп. 6, д. 2, л. 6].

Итак, первоначальный вариант сообщения «Гистории» о введении брадобрития содержал противопоставление «старинного российского платья», которое отождествлялось с платьем «татарских и протчих бусурманских народов», и «обычаев европейских государств», которые являются «христианскими». В этом же контексте в сообщении рассматривается «расщение власов на бороде».

Кто является автором первоначального варианта сообщения? Этот вопрос остается открытым. Отметим, что на полях документа в левом верхнем углу фигурирует зачеркнутое слово «Перевод» [РГАДА, ф. 9, оп. 6, д. 2, л. 6], которое, впрочем, отсутствует во втором обнаруженном нами списке этого текста [Там же, оп. 2, отд. 2, кн. 4, л. 1]. Известно, что при составлении «Гистории» активно использовался Журнал Гюйсена [Гистория Свейской войны, 2, с. 31]. Однако в Журнале Гюйсена текст о введении «европейского» платья и брадобрития отсутствует [Журнал государя Петра I, с. 118–122].

Но кто бы ни был автором этого текста, он вкратце представил четкую и хорошо продуманную модель обоснования необходимости реформы внешнего облика российских подданных. Можно предположить, что в ней нашло отражение то идейное обоснование реформы, которое сложилось в кругах петровской политической элиты.

Нельзя не отметить, что такое обоснование введения брадобрития и европейского костюма хорошо соотносится с идеями, которые высказывал Юрий Крижанич в трактате «Политика» 1663 г. Рассуждая о российском воинском платье, Ю. Крижанич отмечал:

Русское обличье не отличается ни красотой, ни ловкостью, ни свободой, а скорее говорит смотрящим людям о рабской неволе, тяготах и малодушии. Наши воины ходят стянутые тесными платьями, будто бы их запахали в мех и зашили [в нем], головы у них голые, как у телят, бороды запущены, и [они] кажутся более похожими на лесных дикарей, нежели на ловких и храбрых воинов. <...> Итальянцы и испанцы лицом красивее нас и живут в очень знойных странах, однако они носят волосы и не стригут голову наголо, а стригутся лишь для пущей красоты и привлекательности. А нам, живущим в морозных странах и некрасивым от природы, гораздо нужнее носить волосы, чтобы скрыть грубость наших лиц, стать красивее и достойнее, укрыть уши от крутого мороза и возбудить храбрость у наших воинов. Однако мы предпочитаем подражать варварским народам — татарам и туркам — нежели благороднейшим из европейцев. <...> Татарский хохол на темени и польский хохол на лбу ничем не лучше наготы. Волосы по русскому обычаю беспорядочно запущены до того, что они мерзко покрывают лицо и придают дикарский вид. А запущенная борода делает воинов старше, чем они есть на самом деле, и они бывают не так страшны врагам [Крижанич, с. 442–443].

Вряд ли можно говорить о прямом влиянии этих идей на Петра I и его окружение: «Политика» Ю. Крижанича в XVIII в., по словам А. Л. Гольдберга, «находилась в полном забвении на полках библиотеки Печатного двора» [Там же, с. 704]. Однако не исключено, что в последнее двадцатилетие XVII в. идеи Ю. Крижанича, высказанные в «Политике», были хорошо известны в среде русской политической и культурной элиты. Как известно, этот памятник, как и другие труды Ю. Крижанича, находился в библиотеке Сильвестра Медведева вплоть до его ареста в 1689 г., когда его библиотека была передана на Печатный двор. Еще С. М. Соловьев предположил, что «Политика» Крижанича «была наверху у великого государя» и «не оставалась без влияния» [Соловьев, с. 549–550]. К этому мнению присоединился П. А. Безсонов, считавший, что сочинения Крижанича в конце XVII в. пользовались большим почетом в книжной среде [Безсонов, с. 158]. А. Л. Гольдберг подверг этот тезис сомнению, отметив, что «история рукописного наследства Крижанича нуждается в дальнейшем изучении, и пока у нас нет достаточных оснований полностью соглашаться с Безсоновым, утверждавшим, что сочинения Крижанича в конце XVII в. были хорошо известны в Москве» [Крижанич, с. 704].

Но если предположить, что «Политика» все же была известна в кругах культурной и политической элиты России конца XVII в., в таком случае приведенный выше текст Ю. Крижанича не мог не привлечь внимание русских книжников.

Идеи Ю. Крижанича относительно ношения бороды несомненно были созвучны настроениям определенной части российской политической и культурной элиты. Вспомним, что протопоп Аввакум, согласно его Житию, еще в 1648 г. обличал бородобрядца сына боярина

Василия Петровича Шереметева Матфея – будущего знаменитого воеводу, занимавшего в 1648 г. чин чашечника [Житие протопопа Аввакума, с. 62]. Этот пример свидетельствует о том, что мода на брадобритие уже тогда была распространена в среде молодых людей из числа элиты. С. М. Шамин обоснованно предположил, что царь Федор Алексеевич весьма благосклонно относился к брадобритию [Шамин, с. 34]. Действительно, о распространении моды на брадобритие среди русских придворных в 80–90-е гг. XVII в. свидетельствуют парсуны, на которых мы почти не увидим бород, но зато найдем немало голых, начисто выбритых подбородков у самых близких к престолу людей [Русский исторический портрет]. Судя по всему, к 90-м гг. XVII в. мода на брадобритие затронула уже широкие круги горожан и оказалась настолько распространена, что патриархи Иоаким и Адриан были вынуждены специально обращаться к пастве с призывами оставить брадобритие [Есипов, прил., с. 64–72; Богданов, с. 330–333]. Поэтому не исключено, что идеи Ю. Крижанича могли повлиять на образ мыслей представителей культурной и политической элиты России конца XVII в. и косвенным образом определить модель идеологического обоснования необходимости введения брадобрития, которая сформировалась в окружении Петра I.

Так или иначе, первоначальный текст о введении брадобрития «Гистории» подвергся серьезной правке И. А. Черкасова.

Помимо стилистической правки, в текст было внесено три содержательных изменения. Во-первых, сравнение «российского старинного платья» с платьем «татарских и протчих бусурманских народов» оказалось неприемлемым и было заменено на сравнение с польским платьем. Но при этом было сохранено указание на основную мотивировку реформы – стремление привести внешний облик российских подданных к «обычаям европейских христианских государств». Во-вторых, были убраны, видимо, ненужные, с точки зрения И. А. Черкасова, подробности о том, что реформа касалась подданных обоего пола и распространялась лишь на жителей «резидующих государственных знатных» городов.

Сообщение, отредактированное И. А. Черкасовым, было вставлено в текст 3-й редакции «Гистории» вслед за сообщением о введении нового календаря и новогодних торжествах 1700 г. [РГАДА, ф. 9, оп. 2, отд. 2, кн. 4, л. 9]. Третья редакция «Гистории» была подвергнута серьезной правке самого Петра I. Но исследуемое нами сообщение о брадобритии не привлекло его внимания; оно было слегка поправлено А. В. Макаровым, который незначительно изменил начало текста, а на полях приписал, что это сообщение следует поставить «повыше 700 году» [Там же, кн. 7, л. 8 об.].

Эти изменения отражены в четвертой редакции «Гистории»: теперь сообщение расположилось между рассказами об учреждении ордена Святого апостола Андрея Первозванного и введении ново-

го календаря. Но и теперь сообщение подверглось незначительной правке, направленной на сокращение текста [РГАДА, ф. 9, оп. 2, отд. 2, кн. 5, л. 8 об.].

Итак, наше исследование позволяет поставить под сомнение прямой тезис Г. В. Есипова о том, что рассматриваемая нами «реформа не была подготовлена ни современными идеями, ни постепенным ходом истории, и Россия ворчала, сильно ворчала – тяжело ей было расставаться и с бородою, и с одеждою предков» [Есипов, с. 168].

Акельев Е. В., Трефилов Е. Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация». Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сб. ст. СПб., 2013. С. 153–173. [Akel'ev E. V., Trefilov E. N. Proekt evropeizatsii vneshnego oblika poddannyykh v Rossii pervoy poloviny XVIII v.: zamysel i realizatsiya». Fenomen reform na zapade i vostoке Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.): sb. st. SPb., 2013.. S. 153–173.]

Анисимов Е. В. Время Петровских реформ, Л., 1989. [Anisimov E. V. Vremya Petrovskikh reform, L., 1989.]

Безсонов П. А. Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке // Православное обозрение. 1870. № 1. С. 129–159. [Bezsonov P. A. Yuriy Krizhanich, revnitelj' vossoedineniya tserkvej i vsego slavyanstva v XVII veke. Pravoslavnoye obozreniye, 1870. 1. S. 129–159.]

Богданов А. П. Русские патриархи. Т. 2. М., 1999. [Bogdanov A. P. Russkie patriarkhi. T. 2. M., 1999.]

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова ; под общ. ред. А. А. Преображенского. Вып. 1–2. М., 2004. [Gistoriya Svejskoj vojny (Podennaya zapiska Petra Velikogo) / sost. T. S. Majkova ; pod obsch. red. A. A. Preobrazhenskogo. Vyp. 1–2. M., 2004.]

Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII века. Т. 2. СПб., 1863. [Esipov G. V. Raskol'nic'ii dela XVIII veka. T. 2. SPb., 1863.]

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. [Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe / pod obsch. red. N. K. Gudziya. M., 1960.]

Журнал государя Петра I с 1695 по 1705, сочиненный бароном Гизеном. Половина первая. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого / изд. Ф. Туманским. Ч. 3. СПб., 1787. [Zhurnal gosudarya Petra I s 1695 po 1705, sochinennyj baronom Gizenom. Polovina pervaya. Sbranie raznykh zapisok i sochinenij, sluzhaschikh k dostavlenniyu polnogo svedeniya o zhizni i deyaniyakh gosudarya imperatora Petra Velikogo / izd. F. Tumanским. CH. 3. SPb., 1787.]

Крижанич Ю. Политика / подгот. к печ. В. В. Зеленин ; пер. и коммент. А. Л. Гольдберг ; под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1965. [Krizhanich YU. Politika / podgot. k pech. V. V. Zelenin ; per. i komment. A. L. Gold'berg ; pod red. M. N. Tikhomirova. M., 1965.]

Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. [Pokrovskij N. N. Antifeodal'nyj protest uralo-sibirskikh krest'yan-starooobryadtsev v XVIII v. Novosibirsk, 1974.]

ПСЗ. Т. 4 – 7. [PSZ. T. 4 – 7.]

РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. [RGADA. F. 9. Op. 2.]

Русский исторический портрет. Эпоха парсуны, М., 2004. [Russkij istoricheskij portret. Epokha parsuny, M., 2004.]

Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. Кн. 7. М., 1991. [Solov'ev S. M. Sochineniya: v 18 kn. Kn. 7. M., 1991.]

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. [Sedov P. V. Zakat Moskovskogo tsarstva: TSarskij dvor kontsa XVII veka. SPb., 2008.]

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. [Ustryalov N. G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. 3. SPb., 1858.]

Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия. Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2005. № 1. С. 23–38. [Shamin S. M. Moda v Rossii poslednej chetverti XVII stoletiya. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2005. № 1. S. 23–38.]

Шашков А. Т. Дело 1705 г. «о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород» // Проблемы истории России. 1998. № 2. С. 301–322. [Shashkov A. T. Delo 1705 g. «o protivnosti i o preslushanii ego tsarskogo velichestva ukazu tomskikh zhitelej o nemetskom plat'e i o britii borod» // Problemy istorii Rossii. 1998. № 2. S. 301–322.]

Hughes L. «A Beard is an Unnecessary Burden»: Peter I's Laws on Shaving and their Roots in Early Russia // Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century. Essays in Honour of Anthony G. Cross. Ed. by Roger Bartlett and Lindsay Hughes. Munster, 2004. С. 21–34.

Борода и «русское» платье для Петра I являлись своеобразным знаменем ненавистой старины (Н. Г. Устрялов, С. М. Соловьев, Л. Хьюз и др.). Однако эти рассуждения не подкреплялись ссылками на конкретные источники, в которых обнаруживался бы взгляд самого царя или его сподвижников на эту проблему. В статье впервые предпринята попытка выявить позицию Петра I и его приближенных относительно необходимости европеизировать внешний облик российских подданных. В основу положен анализ рассказа о введении брадобрития и «европейского» платья в различных редакциях «Истории Свейской войны». Полученные данные позволяют сделать предположение, что идеологическое обоснование введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России строилось на противопоставлении традиционного российского облика, отождествляемого с обликом «бусурманских народов», и облика подданных «европейских государств», который позиционировался как «христианский». Предположительно эта идеологема сформировалась в кругах культурной и политической элиты еще в конце XVII в., возможно, под влиянием идей, высказанных Ю. Крижаничем в трактате «Политика».

К л ю ч е в ы е с л о в а : реформы Петра Великого; борьба с бородой и русским платьем; культурные практики; культурные стратегии; практики повседневной жизни; власть и общество.

Evgeny Akeliev (Евгений Владимирович Акельев), dr.
Russia, Moscow
Higher School of Economics
eakelev@hse.ru